

БЕЛОРУСЫ В СФЕРЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ И ПОЛЬШИ КОНЦА XIX - НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЙ

Поистине трагической ситуацией можно назвать разделение белорусов в религиозном плане на католиков и православных. Такое положение сложилось во многом из-за соперничества двух могущественных соседей – России и Польши за преобладание на белорусских землях, причём белорусы-католики тяготели к Польше, а православные – к России. Такого рода политика всемерно поддерживалась и укреплялась правящими кругами этих стран. Е. С. Канчер писал по этому поводу следующее: «Белорусы в религиозном отношении делились на две части: на огромную часть православных и на меньшую часть католиков. Религиозная политика болезненно сказалась на той части крестьянства, которая приняла католичество, усвоила польский язык и польскую культуру. Эта часть крестьянства была взята под подозрение, оскорблялась и унижалась. Естественно, она обратила свое лицо в сторону Польши» [1, с. 20]. Автор считал, что «разделение белорусского народа в религиозном плане на два относится к первой половине XIII века и особенно ко второй половине XIV века. С тех пор между католической и православной церквями происходила жесткая борьба» [1, с. 41].

По данным авторов коллективной работы «Канфесіі на Беларусі (канец XVIII – XX ст.)» численность православного и католического населения на территории Беларуси выглядела следующим образом [2, с. 75]:

Губерніі	Праваслаўныя (тыс.)	Каталікі (тыс.)
Віленская	415,3	935847
Віцебская	825,6	357309
Мінская	1558,3	217959
Магілёўская	1402,3	50159
Гродзенская	913,3	386519
Усяго:	5114,7	1947,5

Как видно из вышеприведенных данных, примерное соотношение православных и католиков среди белорусов было 3:1, причем симпатии официального Петербурга находились на стороне первых, а как известно победа одной из соперничающих в регионе религий во многом зависит от того на чью сторону станет правительство. Так было во времена Речи Посполитой, когда правящая элита поддерживала католицизм, также было и во время нахождения Беларуси в составе Российской империи, когда господствующим вероисповеданием стало православие.

С мнением Е.С. Канчера был согласен один из участников белорусского национального движения начала XX века А. Луцкевич (А. Новина), давая следующую характеристику сложившейся к этому времени (конец 19-начало 20 веков) обстановке в крае: «Забитость и апатия – вот продукт исторических, политических и экономических условий, в которых складывалась жизнь белорусов. Неудивительно, что о национальном самосознании долгое время здесь не приходилось и говорить: лишённый прав, приниженный и оскорбляемый белорус стал сам смотреть на себя, как на низшее существо, стал сам стыдиться всего, что отличало его от «панов», стал презирать свой родной язык и отрекаться от него», [3, с. 5] в то время как «поляки укрепляли свое влияние на католическую часть белоруссов, русификаторы овладели всеми сколько-нибудь интеллигентными силами из среды православного населения» [3, с. 4]. В результате белорусы лишились своей интеллигенции. Ситуацию усугубляло отсутствие в крае университета. В итоге «беларуская моладзь ехала вучыцца і жыць за межы краю – у Пецярбург, Маскву, Кіеў...выхадцы з Беларусі вымушаны былі працаваць не на карысць Беларусі» [4, с. 24].

А. Луцкевич отрицательно относился к деятельности консервативных кругов России и Польши, которые тянули белоруса каждый в свою сторону. Здесь религиозный фактор играл не последнюю роль. В подтверждение своей точки зрения он приводит высказывание И. Святицкого: «если лозунги русской консервативной группы можно свести к формуле официального патриотизма – самодержавие, православие и народность, то польская шовинистическая группа внесла в приведённую формулу незначительные изменения: вместо самодержавия она поставила всепольскую идею, вместо православия – католицизм» [3, с. 10-11].

Тезис о моноконфессиональности белорусов поддерживал М. Богданович. Признавая, что среди белорусов «ёсць праваслаўныя і каталікі» он проводил мысль о том, что они составляют один белорусский народ «бо ў ва ўсіх адна гаворка, адны звычаі, адны песні, адзін лад жыцця» [5, с. 58]. Проводя разграничение религии и национальности, придерживаясь белорусизации как православного, так и католического богослужения, поэт считал ошибкой устоявшееся представление о том, что человек, молящийся в костёле является поляком, а в церкви, соответственно, русским. Это явление получило распространение, по его мнению, из-за того, что «ксяндзы ў касцёлі гавораць па-польску, а свяшчэннікі – па-расійску», а на самом деле «чалавек павінен маліцца Богу ў такой мове, якой гаворыць у сябе ў хаце», т.е. по-белорусски [5, с. 60-61].

Его мнение разделял В. Ю. Ластовский, считавший, что «усе беларусы, ці яны праваслаўныя, ці каталікі, роўныя дзеці аднае маткі Беларусі, яны павінны жыць паміж сабою ў згодзе і ўзаемна шанаваць адну і другую веру» [5, с. 11].

Оценивая ту сложную ситуацию религиозного плана, в которой оказались белорусы в указанный промежуток времени, следует согласиться с мнением Е.С. Канчера о том, что «разделение белоруссов на католиков и православных служило и служит причиной между ними розни и недоразумений» [1, с. 26].

Літаратура

1. Канчер Е.С. Белорусский вопрос. Сб. ст. – Пт., 1919.
2. Канфесіі на Беларусі (канец XVIII - XX ст.) / Навук. рэд. У. І. Навіцкі. – Мн., 1998.
3. Луцкевич А. (Новина А.) Белоруссы. – Спб., 1909.
4. Зельскі А. Г. Планы і спробы стварэння ўніверсітэта ў Беларусі (першая пал. 19 ст. – 1918г.) // Беларускі гістарычны часопіс, №2, 2004.
5. Хто мы такія. Ліст да простых людзей / Што трэба ведаць кожнаму беларусу. Зб. арт. – Менск., 1919.